

НОВАЯ СТАЛИНСКАЯ ПЯТИЛЕТКА И ЛИТЕРАТУРА

НА ВСТРЕЧУ ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ

Советский народ готовится достойно встретить знаменательную дату тридцатилетия первого в мире, самого, победоносного социалистического государства.

Великим творческим подвигом охвачена наша страна в исторические дни второго года сталинской поэзии пятилетки. Славная инициатива германского Ленинграда, выдвинувшего босовой лозунг — выполнить план второго года новой пятилетки к 7 ноября! — подхвачена всей многомиллионной армей участников Всесоюзного социалистического соревнования. Наши газеты и публиковали письма товарищам Сталину от стахановцев Запорожья, которые обещают выполнить годовой план к 7 ноября. «И каждый из нас, — пишут строители Запорожья в своем письме, — с гордостью скажет: «Я возрождал этот завод, здесь вложена часть моего труда на благо Родины, не чистые мое народом».

«Запорожстрой», — указывает «Правда», — является ударной стройкой второго года послевоенной пятилетки. Так же, как в годы первых пятилеток, вся страна стала «Магнитострой» и «Кузнецкстрой», так и теперь слова в «Запорожстрой» должны быть паролем боевой работы не только для строителей, но и для всех тех, от кого зависит быстрое восстановление Запорожского металлургического завода.

Наша литература должна идти в ногу с народом, так же, как она вместе со строителями и новаторами, передовиками, запевальщиками соревнования, инноваторами новых и новых видов в незадаваемые дни первых стахановских пятилеток, так же, как она побеждала вместе с

народом в дни Отечественной войны. Строки новой пятилетки, ее герои, новые методы труда, новый облик советского человека, воспитанного нашей Родиной, которая под мудрым руководством прошла путь отсталой аграрной страны до передовой социалистической индустриальной державы и благодаря этому смогла одержать всемирно-историческую победу над фашизмом, — все это должно быть глубоко освоено нашей литературой, подобно тому, как в свое время она освивала новаторские темы первых пятилеток. Для советских писателей, как и для всех строителей новой пятилетки, такие слова, как «Запорожстрой», должны стать паролем боевой работы, подобно тому, как слова «Магнитострой» и «Кузнецкстрой» были поистине творческим паролем нашей литературы в годы первых пятилеток.

Послевоенный период принес новые талантливые произведения и в прозе, и в поэзии, и в драматургии. В большинстве своем они посвящены воинским подвигам советских людей. Нет никакого сомнения в том, что у нас появится еще немало замечательных произведений, посвященных легендарным дням Отечественной войны. Однако мы должны помнить слова Т. А. Жданова:

«Наши народ ждет, чтобы советские писатели осмыслили и обобщили громадный опыт, который народ приобрел в Великой Отечественной войне, чтобы они изобразили и обобщили тот геройзм, с которым народ сейчас работает над восстановлением народного хозяйства страны после нагнания врагов».

Мы должны поставить на службу этой задаче весь опыт, все традиции, все достижения советской литературы за тридцать лет ее пути. Мы должны продумать, обобщить эти достижения, чтобы они помогли нам двинуть вперед общенародное дело — дело советской литературы. Пусть писатели старших поколений вспомнят свои поиски, трудности, удачи и неудачи в годы первых пятилеток. Что из найденного тогда пригодится теперь, что нужно пересмотреть или отбросить, чтобы создать новое? Пусть писатели молодого поколения продолжают опыт советского индустриального и колхозного романа, рассказа, очерка, пусть они поделятся своими заботами, успехами, поисками на пути художественного освоения современности. Пусть второй год новой пятилетки, год тридцатилетия советской власти, год советской литературы, станет годом решительного поворота литературы к темам восстановления и развития народного хозяйства, к огромным темам нового подъема и расцвета созидательного вдохновенного труда советских людей по имени коммунизма.

Все вопросы, связанные с историей советской литературы за тридцать лет, должны изучаться нашими критиками и литературоведами с зажигательными задачами бессостынием, с живой связью с сегодняшними задачами литературы, с сегодняшней творческой практикой. Только такая теория хороша, которая помогает идти вперед!

Начинающая печатание на страницах «Литературной газеты» материалов, связанных с задачами литературы в годы новой пятилетки и с проблемами творческой истории советской литературы за тридцать лет, редакция обращается к писателям, критикам, читателям с предложением принять участие в обсуждении этих вопросов.

С. МАРВИЧ

Темы, подсказанные планом великих работ

Заметки
писателя

Перед мною рисунок из популярного журнала «Природа и люди» за 1914 г. Рисунок фантастический, изображен корабль среди льдов. Это — корабль будущего. При помощи какой-то непонятной машины и особого вещества, мгновенно пластифицирующего льды, он прокладывает себе дорогу к арктическим берегам Сибири. Так тридцать с лишним лет назад, вскоре после гибели Седова и за четыре года до уничтожения судна «Мод», тысячу дней пробирающегося по арктическим водам в Тихий океан, представили себе путешествие по Северному морскому пути. Фантазия была беспочвенной, оторванной от науки. Да это и понятно, если вспомнить, что даже Нансен, авторитет которого был непререкаем, считал использование Северного морского пути иллюзией.

Прошла треть века. В «Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 годы» в пункте 37, 2-го раздела сказано:

«Завершив в 1950 году работы по превращению Северного морского пути в нормально действующую судоходную магистраль».

Путь через Северный Ледовитый океан соединяет океаны Атлантический и Тихий. То, что отважным людям прошлого казалось великоделом мечты, становится реальностью. Нетрудно понять, какая это огромная, благородная тема для советского писателя.

«Объясненная Арктика», так называл Борис Горбатов свою книгу, вышедшую еще до войны.

Сколько же надо было сделать в наше социалистическую эпоху для того, чтобы гибельная зона, «единная пустыня», как ее называет в своей книге писатель-поларник, сподвижник Седова — Н. В. Пинегин, стала обыкновенной Арктикой.

Борис Горбатов — пионер новой темы. Тема эта далеко не исчерпана. Она лишь открыта перед читателем. То, что происходит в наше социалистической Арктике, послужит основой для многих книг. А сколько других увлекательных книг могли бы создать писатели, изучая материалы пятилетнего плана! Многое в этом великом плане не заставляет нас вспоминать о мечтах великих людей прошлого и о смелых проектах, осуществившихся в нашу социалистическую эпоху.

Менделеев писал о «единой топке», которая положит конец варварской зависимости империи или предприятия от своего отдельного источника энергии.

Недавно нам довелось побывать в наследном пункте Эстонии — Кохтла-Ярве — мрачное название. В переводе с эстонского оно означает «гигантское болото». Теперь это место правильнее называть новым социалистическим городом. Предание рассказывает, что поселенцы, оставленные здесь по приказу Петра I, начали складывать печи из желтоватого, легкого, поддающегося обработке камня. К их ужасу, печи загорелись. Так были обнаружены горючие сланцы.

Кохтла-Ярве всегда была глухим заброшенным местом. Позже оставалась здесь на минуту, чтобы выбросить мешок с почтой. Эстонская буржуазия, которая, по саркастическому замечанию Виктора Кингисеппа, «стягнула» ими свой независимости, поспешила передать сланцевый басейн иностранным концессионерам. Концессионеры не стали трястись на первую очередь, а для дальнейшего извлечения прибыли из кохтла-ярвской складки сланцев — горючий газ — они пускали по ветру. В государстве, где промышленность постоянно испытывала, чтобы энергии использовать было невозможно.

Граница 1920 года разделила сланцевый бассейн на два. Один из них был в наших пределах. С. М. Киров, как известно, уделил ему неустанный внимание. По его инициативе, в Ленинградской области начали разработку сланцев. После того как Эстония стала Советской республикой, два сланцевых бассейна снова слились в один.

Писатель, который умеет читать такие цифры, с помощью образных сравнений расскажет читателю о том, что если устанут все эти стаканы в одну линию по поглащающим по норме интервалам, она простирается примерно от Архангельска до Еревана.

Всего лишь 17 лет тому назад, на советских полях появились тракторные колонны. Тогда еще наши отечественные машины были маломощными, с колесами, увязавшимися в черноземе. К 1950 году трактор будет возделывать девять десятых всех наших земель. К этому времени армия трактористов, комбайнеров и других индустриальных рабочих сельского хозяйства пополнится на 2,3 миллиона человек. Это количества людей больше населения Москвы в 1914 году.

Писатель, который умеет читать такие цифры, с помощью образных сравнений расскажет читателю о том, что если устанут все эти стаканы в одну линию по поглащающим по норме интервалам, она простирается примерно от Архангельска до Владивостока.

Всего лишь полторы тысячи лет назад, на советских полях появились тракторные колонны. Тогда еще наши отечественные машины были маломощными, с колесами, увязавшимися в черноземе. К 1950 году трактор будет возделывать девять десятых всех наших земель. К этому времени армия трактористов, комбайнеров и других индустриальных рабочих сельского хозяйства пополнится на 2,3 миллиона человек. Это количества людей больше населения Москвы в 1914 году.

Двадцать лет тому назад вступила в строй первенец электрификации — гидроэлектростанция на Волжке. Этот день был для нас большим праздником. В то время лишь десяткам начинавшимися деревни, где горела «лампочка Ильицкая»...

К 1950 году мощность одних лишь колхозных электростанций достигнет 2 млн. киловатт. Это 40 волжских станций, расположенных в малых установках средней мощности. Тогда мы называем это «маткой электрификации» (Волжская станция для своего времени была начачлом большой электрификации).

Надо уметь читать Закон о пятилетнем плане и глубоко омысливать его, ибо тогда отчетливее выступает процесс движения нашей страны к коммунистическому будущему, и перед писателем открываются новые, волнующие темы.

На 5 съезде Советов делегатам была показана огромная карта, с разноцветными электрическими лампочками. Многие из них показывали, что будет на карте нашей страны после выполнения плана первой стахановской пятилетки — новые шахты, новые дома, новые машиностроительные заводы.

Эта карта была величиной в занавес Большого театра. И когда зажглись все гигантские лампочки, часть знамени, ибо собеседник не очень хорошо понимал по-русски, давно проверенные жизнью преимущества врубовой машины. Под кожей разговора он, чтобы ободрить товарища из новой работы, вспомнил:

— Ничего. У нас тоже не в один день доказывали с тварищем, что не вероятно.

Август Юханович, видевший врубовку в работе, согласился с товарищем, но не решительно высказал затасченную мысль:

Многое может рассказать писателю колоссальные изменения в размещении производственных сил страны. Не только люди старшего поколения, но и те, кто начал свою самостоятельную жизнь в канун первой пятилетки, помнят, что промышленные районы лежали, и ушло, просто, коротко...

— Нет, Август Юханович, тут бояться нечего. Люди новая машина не любят? У нас такая система, что машина поставлена над людьми, а люди над ней.

Междуд этим двумя шахтерами лежит не несколько лет, а целая эпоха в развитии общества. И с помощью таких людей, как шахтер из Донбасса, эстонец Август Юханович удалось быстро пройти этот путь.

Местный забойщик Рихе, который недавно стал директором шахты, вспоминает:

— Раньше по вечерам труды были повсюду, что наш поселок обитаем. Всюду стояли

шахтеры, узбек — каменщик. Не

здорово, что машины

стали вспомогательными, а люди

стали рабочими?

Но теперь машины не могут обходиться без людей. Трудно выдумать что-нибудь более

простое...

Путешествия по стране часто бывают пло-

довторными и интересными. Но правда же,

не всегда к значительной теме писателя

доставляет вагон дального следования. Не

редко же можно добираться поездом

метро, трамвай...

Лет двадцать назад нефтяная тематика была молчанием в западной литературе. Это

недурно, что нефть

всегда была в

наших глазах. Раньше в нефтяной теме писателям

доставляло впечатление

излишней пропаганды, излишней

пристрастия к нефти...

Сейчас же нефть — это нефть, это нефть, это нефть...

Сейчас же нефть — это нефть...

Сейчас же не

Памяти Жан-Ришар Блока

Телеграф принес известие о том, что в Париже скончался французский писатель Жан-Ришар Блок.

Жан-Ришар Блок родился в 1884 г. Он был участником первой мировой войны, сначала в качестве сержанта, затем лейтенанта французской армии, в частности участвовал в битве под Верденом.

Блок с давних лет был другом нашей страны, нашего общественного строя, нашей культуры. В 1935 году, выступая на Международном конгрессе писателей в защиту культуры и обивания своих европейских коллег, в отрыве от народа, рисуя атмосферу опустошения, элегантный и безнадежный пессимизм, окружающий их в буржуазном обществе, Жан-Ришар Блок посыпал в то же время горячие слова любви советской литературе.

Жан-Ришар Блок был одним из первых писателей-волонтеров, ринувшихся в Испанию, когда началась борьба испанского народа против гитлеровского наимата Франко. Блок одним из первых писателей мира отклинулся на эту борьбу своей книгой «Испания. Испания!».

Своей любви к нашей стране он не изменил никогда. Он провел с нами как антифашист-изгнаник все суровые годы Отечественной войны, служа своим словом дему победы.

Блестящие очерки, написанные им в годы войны, разоблачили перед всем миром предательскую роль вицентийских лавалей и патриотов. Голос писателя, звучавший каждый день в московской радиостудии, ловили в эфире, прильнув к своим тайным радиопредставителям, тысячи и тысячи французских подпольщиков и партизан. Голос Блока вдохновлял их на сопротивление и борьбу, рассказывая о стойкости и геронаме советского народа. В то же время Жан-Ришар Блок неустанно работал как писатель. По свежим следам событий ноября 1942 г. он написал драму о героях моряков Туниса. Деятельность военного времени писателя-антифашиста была всеобъемлющей и оперативной. Он не отказывался ни от како-

го выступления как в печати, так и перед аудиторией, лишь бы оно принесло пользу общему делу победы.

Вернувшись в начале 1945 года в родную страну, Блок продолжает работать как писатель и политический деятель. Он рекламирует газету «Soir», участвует своим комментариями в ежемесячнике «Шпор». Послевоенная демократия Франции многим обязана смелому и искреннему голосу Жан-Ришара Блока.

Надолго запомнился обаятельный облик Жан-Ришара Блока также и мы, его советские читатели и друзья. Запомнилось его бескорыстное трудолюбие и оптимизм, ничего, что над американской литературой шефствует бог коммерции и мэра бульварного успеха.

Эту премию получили Элери Кунн и Дешнэль Хамет, авторы детективных романов и рассказов.

Кунн — представитель так называемой «классической» детективной литературы. Ее основали Пи и Конан-Дойль, продолжили и превратили в весьма «холодный товар» Вандайн, Агата Кристи, Дороти Сайерс и многие другие.

Но в годы войны в Америке появилась своя собственная школа детективной литературы — «чисто американская». В отличие от классического детективного романа, в «чисто американском» основное внимание сосредоточено не на том, как раскрываются преступления, а на том, как они совершаются. Его герои являются не сыщиками, разоблачающими убийц, а убийцы, которые не боятся сыщиками. В «чисто американском» детективе повествование сводится к описанию мрачных дел, все рассчитано на то, чтобы поразить читателей деталями кровавых преступлений, вызывать у них дрожь ужаса, заставить их пережить то, что переживают убийцы и их жертвы. Проще говоря, облагораживать читателей, забить им головы любви, внешне заманивой белебердом, лишь бы они не задумывались над тем, что происходит в окружющей их действительности.

«Чисто американскую» школу детективной литературы возглавляет Дешнэль Хамет. Он получил премию Гертруды за повесть «Художественный мужчина». Но его шедевром считается «Красный урожай». На протяжении всего романа беспрерывно происходят страшные месники 1946 года японцами было похищено свыше 50 боевиков.

Энергичную пропаганду американского кино проводят журналисты с кричащими обложками, похожими на рекламные плакаты. Они появляются, как по команде, вскоре после того, как штаб Макартура обратится ко всей японской прессе с указанием создать «свободную и независимую» печать Японии и официально заявят, что американская военная цензура отнюдь не будет стеснять «демократическую» прессу Японии. Все эти журналисты провозглашают своей задачей однакоменение японцев с мировой культурой.

Немедленно стали заполнять свои номера материалами об американской культуре, в первую очередь об американском кино, статьями, рецензиями, голливудской хроникой, лайтбетто фильмами и фотографиями кино.

Наиболее типичными из этих журналов являются «Ньюс» и «Фондуси цусин», на обложке которого написано по-японски: «Новости мировой культуры» и не по-японски: «I see all» («Я все вижу»).

Кроме американского кино, оба журнальчика усиленно рекламируют американскую литературу. И особенно настойчиво — представители «чисто американского» детекти-

Правление Союза советских писателей СССР.

Национальному комитету писателей Франции

Советские писатели, друзья Жан-Ришара Блока, потребовали смертную замечательного писателя и борца. Мы были свидетелями великолепной работы Блока в дни войны, работы, которая так тесно сплотила его с советскими людьми. Никогда не помрет образ Блока. Блок — великий и почтенный пример для интеллигентов, верных делу народа. С глубокой скорбью склоняется перед свежей могилой нашего согражданина и друга.

Жан-Ришар БЛОК

Против «черной литературы»

Рожденная в США «черная литература» повела мощное наступление на читателей больших капиталистических стран. Ее духовные отцы разнолики — от Вильяма Фолкнера до Генри Миллера. Но основу этой «черной литературы», идущей прямым путем от полицейского романа, составляет описание всяческой уголовщины, пьянства, педовесческого падения и отчаяния.

В современной «черной литературе» нет даже фигуры буржуазного блестящего писателя, как это было в прежнем уголовно-полицейском романе. Остается только гангстер или его спутник — анархистический авантюрист, находящийся всецело во власти грязной эротики и исполненный нечестивости к обществу вообще.

Фолкнер дал первый образчик такого авантюриста в своем «романе отчаяния» «Сияющие». Теперь этот жанр достал «своего апогея» в порнографических писаниях Генри Миллера, насыщенных животной грязью, извращением к людям, полны отрицания всего существования. По Миллеру, самому существование человечества — непоправимая ошибка.

Но если Фолкнер пишет для узкого круга читателей, для тех, называемых «высоколобыми», то его низкопробные последователи, фабриканты чтива вроде Джеймса Хедли Чейса, пишут романы в расчете на широкие массы американцев. Такая книга, как «Нет орехов для мисс Бланши» (в настоящее время самая ходовая в США, а в первые годы — это картина «действительности» нескольких сомневающихся гангстеров, чудовищные описания все возможных убийств, пыток, насилий и т. п. Это ступенька от порнографии к злобному отрицанию всего, в том числе и любви.

Чейсер дал первый образчик такого авантюриста в своем «романе отчаяния» «Сияющие». Теперь этот жанр достал «своего апогея» в порнографических писаниях Генри Миллера, насыщенных животной грязью, извращением к людям, полны отрицания всего существования. По Миллеру, самому существование человечества — непоправимая ошибка.

Но если Фолкнер пишет для узкого круга читателей, для тех, называемых «высоколобыми», то его низкопробные последователи, фабриканты чтива вроде Джеймса Хедли Чейса, пишут романы в расчете на широкие массы американцев. Такая книга, как «Нет орехов для мисс Бланши» (в настое-

щее время самая ходовая в США, а в первые годы — это картина «действительности» нескольких сомневающихся гангстеров, чудовищные описания все возможных убийств, пыток, насилий и т. п. Это ступенька от порнографии к злобному отрицанию всего, в том числе и любви.

Чейсер дал первый образчик такого авантюриста в своем «романе отчаяния» «Сияющие». Теперь этот жанр достал «своего апогея» в порнографических писаниях Генри Миллера, насыщенных животной грязью, извращением к людям, полны отрицания всего существования. По Миллеру, самому существование человечества — непоправимая ошибка.

Но если Фолкнер пишет для узкого круга читателей, для тех, называемых «высоколобыми», то его низкопробные последователи, фабриканты чтива вроде Джеймса Хедли Чейса, пишут романы в расчете на широкие массы американцев. Такая книга, как «Нет орехов для мисс Бланши» (в настое-

щее время самая ходовая в США, а в первые годы — это картина «действительности» нескольких сомневающихся гангстеров, чудовищные описания все возможных убийств, пыток, насилий и т. п. Это ступенька от порнографии к злобному отрицанию всего, в том числе и любви.

Чейсер дал первый образчик такого авантюриста в своем «романе отчаяния» «Сияющие». Теперь этот жанр достал «своего апогея» в порнографических писаниях Генри Миллера, насыщенных животной грязью, извращением к людям, полны отрицания всего существования. По Миллеру, самому существование человечества — непоправимая ошибка.

Но если Фолкнер пишет для узкого круга читателей, для тех, называемых «высоколобыми», то его низкопробные последователи, фабриканты чтива вроде Джеймса Хедли Чейса, пишут романы в расчете на широкие массы американцев. Такая книга, как «Нет орехов для мисс Бланши» (в настое-

щее время самая ходовая в США, а в первые годы — это картина «действительности» нескольких сомневающихся гангстеров, чудовищные описания все возможных убийств, пыток, насилий и т. п. Это ступенька от порнографии к злобному отрицанию всего, в том числе и любви.

Чейсер дал первый образчик такого авантюриста в своем «романе отчаяния» «Сияющие». Теперь этот жанр достал «своего апогея» в порнографических писаниях Генри Миллера, насыщенных животной грязью, извращением к людям, полны отрицания всего существования. По Миллеру, самому существование человечества — непоправимая ошибка.

Но если Фолкнер пишет для узкого круга читателей, для тех, называемых «высоколобыми», то его низкопробные последователи, фабриканты чтива вроде Джеймса Хедли Чейса, пишут романы в расчете на широкие массы американцев. Такая книга, как «Нет орехов для мисс Бланши» (в настое-

щее время самая ходовая в США, а в первые годы — это картина «действительности» нескольких сомневающихся гангстеров, чудовищные описания все возможных убийств, пыток, насилий и т. п. Это ступенька от порнографии к злобному отрицанию всего, в том числе и любви.

Чейсер дал первый образчик такого авантюриста в своем «романе отчаяния» «Сияющие». Теперь этот жанр достал «своего апогея» в порнографических писаниях Генри Миллера, насыщенных животной грязью, извращением к людям, полны отрицания всего существования. По Миллеру, самому существование человечества — непоправимая ошибка.

Но если Фолкнер пишет для узкого круга читателей, для тех, называемых «высоколобыми», то его низкопробные последователи, фабриканты чтива вроде Джеймса Хедли Чейса, пишут романы в расчете на широкие массы американцев. Такая книга, как «Нет орехов для мисс Бланши» (в настое-

щее время самая ходовая в США, а в первые годы — это картина «действительности» нескольких сомневающихся гангстеров, чудовищные описания все возможных убийств, пыток, насилий и т. п. Это ступенька от порнографии к злобному отрицанию всего, в том числе и любви.

Чейсер дал первый образчик такого авантюриста в своем «романе отчаяния» «Сияющие». Теперь этот жанр достал «своего апогея» в порнографических писаниях Генри Миллера, насыщенных животной грязью, извращением к людям, полны отрицания всего существования. По Миллеру, самому существование человечества — непоправимая ошибка.

Но если Фолкнер пишет для узкого круга читателей, для тех, называемых «высоколобыми», то его низкопробные последователи, фабриканты чтива вроде Джеймса Хедли Чейса, пишут романы в расчете на широкие массы американцев. Такая книга, как «Нет орехов для мисс Бланши» (в настое-

щее время самая ходовая в США, а в первые годы — это картина «действительности» нескольких сомневающихся гангстеров, чудовищные описания все возможных убийств, пыток, насилий и т. п. Это ступенька от порнографии к злобному отрицанию всего, в том числе и любви.

Чейсер дал первый образчик такого авантюриста в своем «романе отчаяния» «Сияющие». Теперь этот жанр достал «своего апогея» в порнографических писаниях Генри Миллера, насыщенных животной грязью, извращением к людям, полны отрицания всего существования. По Миллеру, самому существование человечества — непоправимая ошибка.

Но если Фолкнер пишет для узкого круга читателей, для тех, называемых «высоколобыми», то его низкопробные последователи, фабриканты чтива вроде Джеймса Хедли Чейса, пишут романы в расчете на широкие массы американцев. Такая книга, как «Нет орехов для мисс Бланши» (в настое-

щее время самая ходовая в США, а в первые годы — это картина «действительности» нескольких сомневающихся гангстеров, чудовищные описания все возможных убийств, пыток, насилий и т. п. Это ступенька от порнографии к злобному отрицанию всего, в том числе и любви.

Чейсер дал первый образчик такого авантюриста в своем «романе отчаяния» «Сияющие». Теперь этот жанр достал «своего апогея» в порнографических писаниях Генри Миллера, насыщенных животной грязью, извращением к людям, полны отрицания всего существования. По Миллеру, самому существование человечества — непоправимая ошибка.

Но если Фолкнер пишет для узкого круга читателей, для тех, называемых «высоколобыми», то его низкопробные последователи, фабриканты чтива вроде Джеймса Хедли Чейса, пишут романы в расчете на широкие массы американцев. Такая книга, как «Нет орехов для мисс Бланши» (в настое-

щее время самая ходовая в США, а в первые годы — это картина «действительности» нескольких сомневающихся гангстеров, чудовищные описания все возможных убийств, пыток, насилий и т. п. Это ступенька от порнографии к злобному отрицанию всего, в том числе и любви.

Чейсер дал первый образчик такого авантюриста в своем «романе отчаяния» «Сияющие». Теперь этот жанр достал «своего апогея» в порнографических писаниях Генри Миллера, насыщенных животной грязью, извращением к людям, полны отрицания всего существования. По Миллеру, самому существование человечества — непоправимая ошибка.

Но если Фолкнер пишет для узкого круга читателей, для тех, называемых «высоколобыми», то его низкопробные последователи, фабриканты чтива вроде Джеймса Хедли Чейса, пишут романы в расчете на широкие массы американцев. Такая книга, как «Нет орехов для мисс Бланши» (в настое-

щее время самая ходовая в США, а в первые годы — это картина «действительности» нескольких сомневающихся гангстеров, чудовищные описания все возможных убийств, пыток, насилий и т. п. Это ступенька от порнографии к злобному отрицанию всего, в том числе и любви.

Чейсер дал первый образчик такого авантюриста в своем «романе отчаяния» «Сияющие». Теперь этот жанр достал «своего апогея» в порнографических писаниях Генри Миллера, насыщенных животной грязью, извращением к людям, полны отрицания всего существования. По Миллеру, самому существование человечества — непоправимая ошибка.

Но если Фолкнер пишет для узкого круга читателей, для тех, называемых «высоколобыми», то его низкопробные последователи, фабриканты чтива вроде Джеймса Хедли Чейса, пишут романы в расчете на широкие массы американцев. Такая книга, как «Нет орехов для мисс Бланши» (в настое-

щее время самая ходовая в США, а в первые годы — это картина «действительности» нескольких сомневающихся гангстеров, чудовищные описания все возможных убийств, пыток, насилий и т. п. Это ступенька от порнографии к злобному отрицанию всего, в том числе и любви.

Чейсер дал первый образчик такого авантюриста в своем «романе отчаяния» «Сияющие». Теперь этот жанр достал «своего апогея» в порнографических писаниях Генри Миллера, насыщенных животной грязью, извращением к людям, полны отрицания всего существования. По Миллеру, самому существование человечества — неп